

Место, где посеяли пшеницу, Лян Цзивэнь обильно посыпал помётом хищников и лекарственным порошком, поэтому обычно сюда не заходили слишком агрессивные звери. Перевозить несколько сотен мешков было трудно, Лян Цзивэнь достал большую тележку, сначала закрепил на ней собранные свежие фрукты и лекарственные травы. В первый рейс он взял с собой Лян Тин и Лян Цзихэна и быстро промчался меж деревьев. Времени было в обрез, поэтому они выбрали короткую, но ухабистую тропу. Лян Цзивэнь рассчитал каждую единицу внутренней силы, чтобы двигаться с максимально возможной скоростью.

В первый раз важно было контролировать темп, и Лян Цзивэнь был очень осторожен. У пещеры он высадил двоих, и они втроём на пределе скорости разгрузили семьдесят-восемьдесят мешков, сложенных горой. Лян Цзивэнь не обращал внимания на беспорядок, скинув груз, он схватил тележку и помчался обратно. Лян Цзихэн и Лян Тин занялись укрыванием вещей.

Во второй рейс, набравшись опыта, они увеличили и скорость, и вес груза.

Ночь полностью спустилась на землю. Ребята стояли перед пещерой в ожидании Лян Цзивэня и Чжань Цзюцзяна. Последний рейс — это почти 500 кг зерна, плюс ещё около 50 кг самого Чжань Цзюцзяна. Все очень волновались. Темнота, да и дорога не слали, Лян Тин стиснула зубы, почти чувствуя во рту железный привкус. Когда они уже готовы были броситься на помощь, Лян Цзивэнь и Чжань Цзюцзян наконец появились. Все облегчённо вздохнули.

Быстро разгрузив всё, Лян Тин дала им заранее распределённые корзины за спиной, и все, взявшись за руки, вошли в пещеру.

Взрослые в горах ждали с тревогой, дети — с нетерпением. С вечера они стояли у подножия горы Силян, но ждали до полной темноты, так и не увидев ни одной души. Не выдержав, Дедушка Лян принял решение — ждать на горе! Несколько мужчин, друживших с их семьёй, добросовестно сопровождали их. Человек двадцать с факелами простояли на полпути к вершине больше двух часов.

У Бабушки Лян сердце колотилось так, что готово было выпрыгнуть. Дедушка Лян, не в силах смотреть на её состояние, стал её утешать:

— Иди домой и жди там. Если мы с ними разминемся, то, если ты будешь дома, крикни нам.

Хотя Дедушка так и сказал, сам он тоже был не уверен. Они специально нашли открытое место, подняли факелы и разожгли костёр — цель была видна издалека.

Бабушка Лян уходить не хотела. Тогда Дедушка Лян нахмурился и строго произнёс:

— Ты здесь от страха то и дело паникуешь, не смей расстраивать ряды!

Услышав такие слова, Бабушка Лян, хоть и не по своей воле, вынуждена была вернуться. Вместе с ней отправились три снохи Ляна и двое молодых парней. Когда четыре женщины ушли, мужчины облегчённо вздохнули. Во-первых, ночью в горах было жутковато, волчий вой и кабаньи рыки слышались очень чётко, но при женщинах им было стыдно показывать страх, приходилось мужественно терпеть. Во-вторых, если бы действительно что-то случилось, женщины стали бы обузой.

Ждали и ждали. Когда все уже потеряли терпение и собирались идти в горы на поиски и спасение, группа Лян Цзивэня наконец появилась! Все облегчённо вздохнули.

Все поспешно принялись за работу. Дедушке Лян было неловко: уже без пятнадцати двенадцать, а на следующий день всем надо было рано вставать на работу. Дедушка Лян дал каждому немного мяса на дорогу. Молодые люди, не в силах отказаться, взяли угощение, поспешили домой, умылись и легли спать.

Как только люди ушли, улыбка сразу слетела с лица Дедушки Лян.

— Вы что, совсем совесть потеряли?! — взревел он. — Знаете, который час?

Лян Цзивэнь и его спутники стояли перепачканные, в грязи, лица у всех были уставшие, и даже Бабушка Лян, которая обычно не выдерживала, когда внуков ругали, смотрела на них холодно.

Вечером Лян Цзивэня и его компанию здорово отчитали, но время было уже позднее. Злились-злились, но в конце концов же всё из-за боли и страха за них? Горячая вода была наготове и сохраняла температуру. Умывшись, Лян Цзивэнь лёг и сразу уснул. Чжань Цзюцзян, сердце которого разрывалось от жалости, суетился вокруг, помогая ему улечься, но одежду на него не надел. Сам он, надев майку и трусы, не обращая внимания на жару, свернулся калачиком в объятиях Лян Цзивэня и закрыл глаза.

Несмотря на усталость, Лян Цзивэнь привык рано вставать, и его биологические часы разбудили его вовремя. Он открыл глаза, опустил взгляд и увидел, что Чжань Цзюцзян спит на нём, и слюна у него течёт рекой. Он аккуратно отодвинул человека, накрыл его живот простынёй, вытер лужицу слюны у себя на груди, натянул футболку и шорты и вышел.

Мама Лян, увидев его, чуть не умерла от жалости, тут же стала подталкивать Лян Цзивэня обратно в комнату:

— Ты чего уже встал? Быстро спать!

— Мам, я уже выспался, — Лян Цзивэнь развёл руками. — Я каждый день в это время встаю, хочешь спать — не можешь.

Он не сопротивлялся и покорно позволил маме себя толкать.

У самой двери комнаты Лян Цзивэнь остановился и с безысходностью сказал маме:

— Мам, я правда не сонный. Посмотри, стоит нам зайти, Чжань Цзюцзян, у которого сон чуткий, проснётся — ведь это будет грехом?

Мама Лян знала особенности организма своего сына и, видя, что его не переспорить, могла только смиренно сказать:

— Ну ладно, тогда сегодня ты не ходи на работу, побудь дома, присмотри за братьями и сёстрами. Если захочешь спать — сразу ложись, не геройствуй, понял?

Лян Цзивэнь кивнул, что понял, и, избежав напора мамы, пошёл в кухню набирать воду. Там он столкнулся с Бабушкой Лян. Бабушка, как обычно, начала своё ворчание, всё из той же оперы. Лян Цзивэнь послушно слушал и не чувствовал раздражения. Ему очень нравилось это чувство, когда о нём заботятся, на душе было тепло и раздольно.

Умывшись, он увидел, что ни один ребёнок в доме ещё не встал, поэтому вышел один пробежаться вокруг деревни. Пробежав половину пути, он увидел, как деревенские

«мальчишки-солдаты» начинают вяло выстраиваться в шеренгу. Лян Цзивэнь нахмурил брови и подошёл. Ребята, увидев Лян Цзивэня, тут же моментально очухались: перестали дремать, глаза перестали тереть, стояли смиренно и прямо, боясь, что Лян Цзивэнь, если ему что-то не понравится, пнёт их так, что они взлетят.

Лян Цзивэнь, конечно, не был таким страшным. Он помог Старшему дяде Ляну подать команду построиться, а затем повёл их бегать двадцать кругов вокруг деревни. Как только Лян Цзивэнь назвал эту цифру, все уже хотели завывать от душераздирающего плача, но, увидев спокойное лицо Лян Цзивэня, в котором всё ещё читалась свирепость, никто не посмел возразить.

Старший дядя Лян передал молодёжный отряд ему, а сам занялся своим отрядом. Молодёжный отряд был под ответственность Лян Цзию. Тот учился в начальной школе, но во время «Движения за бунт» он, выдержав давление, спас ту самую учительницу, которая к ним хорошо относилась, в результате получил взыскание: не только его отчислили из школы, но и перекрыли путь к дальнейшей учёбе.

Хотя Лян Цзию и делал вид, что ему всё равно, и говорил, что у него нет таланта к учёбе, потеря была неизбежна. В семье, кроме него и младшей сестры, все учились. Кому же было легко на душе? К счастью, Лян Цзию был по природе оптимистом. Раз учиться нельзя, он всё своё внимание сосредоточил на тренировке ушу и земледелии. Всего лишь пятнадцать лет, а с работой в поле он уже справлялся отлично.

Деревня Лянли была большой, и пробежать двадцать кругов — это не так просто, как 16 000 метров. К середине пути многие уже задумывались о том, как бы схитрить и отдохнуть. Лян Цзивэнь просто сменил позицию и встал в самом конце колонны, и тут же никто не смел лениться. Все старались поддерживать строй и держать скорость.

Двадцать кругов для этих людей, которые ещё не завтракали, были большим расходом сил, но это было не то чтобы невозможным делом. Обычно они бегали всего десять кругов, но физическая нагрузка не ограничивалась только этими десятью кругами утром. После бега все хотя и устали и проголодались, но никто не упал в обморок от истощения. Лян Цзивэнь, глядя на их моральное состояние, был вполне доволен, поэтому запланированные дополнительные тренировки с увеличением объёма и качества пока сократил наполовину.

Услышав, что будут ещё дополнительные тренировки, молодые парни просто рухнули духом, лица были полны отчаяния. Деревенские дети были дикими, и все неплохо плавали. Как раз после долгого бега все вспотели, и Лян Цзивэнь приказал им плыть вверх по реке с нижнего течения. В их деревне было три реки, Лян Цзивэнь выбрал ту, где уклон был самым крутым, а вода — самой глубокой. С девочками он обошёл мягче: отпустил их пораньше, пусть идут купаться или отдыхают.